

РЕШЕНИЯ ПАРТИИ — В ТВОРЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

ТОЛЬКО ТО ПРЕКРАСНО, ЧТО СЕРЬЕЗНО...

С КУПЫ и строги строки Директив XXIV съезда КПСС, но какая за ними бурная, насыщенная энергией, творческими, научными поисками, напряженным, вдохновенным трудом жизни!

Сегодня, может быть, как никогда, мысли об искусстве тесно связаны с мыслями о жизни, о новом ее этапе, обусловленном новым, девятым пятилетним планом. Грандиозны его перспективы, велик размах грядущих созданий! И за всем этим — люди! Люди, выполняющие эти планы, приближающие торжество коммунизма.

Читаю строки Директив: «Повседневная активная деятельность партии, всего народа по выполнению девятого пятилетнего плана обеспечит дальнейшее укрепление могущества нашей Родины, приблизит завершение создания материально-технической базы коммунизма, будет всемерно способствовать формированию коммунистических общественных отношений, воспитанию нового человека».

Но ведь это и о нас, и о нашей активной деятельности идет речь! И мы, работники армии искусств, должны всемерно увеличить свой вклад в благороднейшее и необычайно важное дело всестороннего развития социалистической культуры, в дело воспитания нового человека.

КАКИМ видится нам театр в годы грядущего пятилетия? Ну, конечно же, прежде всего активнейшим помощником партии в ее борьбе с вражеской буржуазной идеологией. Хочется, чтобы каждый наш будущий спектакль еще активнее, художественно убедительнее ратовал «...за утверждение в повседневной жизни новых, подлинно коммунистических общественных отношений и высоких принципов коммунистической морали».

Добиться этого в наших силах, в наших творческих возможностях, хотя и трудности еще предстоят немалые.

Известно, что театр всегда в состоянии активного ожидания и поиска.

В ожидании и поиске нового актерского таланта, новой яркой режиссерской индивидуальности, в ожидании и поиске новой пьесы. Это последнее особенно томительно, а поиск этот, пожалуй, особенно труден.

Действительно, что может быть необходимее для театра, чем новая пьеса, и не просто новая, а пьеса о новом и главном в жизни. Когда театр не находит такой пьесы, он чувствует себя (да, да, чувствует, как живое существо!) как бы обделенным судьбой и временем, не выполнившим своей главной обязанности перед зрителями и, если хотите, оторвавшимся от жизни... Как бы ни были при этом прекрасны его финансовые дела и как бы горячо ни рукоплещал зритель его спектаклям, поставленным на основе классических пьес.

Современная пьеса и отраженная в ней жизнь — живая, сегодняшняя, животрепещущая! Вот что делает театр искусством неотразимым, необходимым человеку.

ВСПОМНИМ: все настоящие успехи, все поистине большие удач советского театра всегда приходили к нему тог-

Евгений СИМОНОВ,
народный артист РСФСР

да, когда художники, мастера театрального искусства оказывались глубоко связанными с жизнью, с ее важнейшими процессами и явлениями.

В последнее время все чаще вспоминаются факты, обусловившие рождение первых погодных пьес, таких, как «Темп» и «Поэма о топоре»: поездки молодого журналиста Николая Погодина и режиссера Алексея Попова к рабочим Урала, их «вживание» в уральскую трудовую жизнь, в ее ритмы, ее эмоциональный накал.

«Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью», — писал Н. В. Гоголь П. А. Плетневу. Пушкин, чтобы «надышаться» жизнью, «назвучаться», исколесил всю Россию. «...В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне известны; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела...». И это при тогдашних-то средствах передвижения!.. А мы, а драматурги наши? Не слишком ли ограничены маршруты наших поездок крупными центрами и столицами других государств?

Пожалуй, маловато используем мы самоновейшие виды транспорта для того, чтобы «поколесить», повидать новых людей, взглянуть, вчувствоваться в их жизнь, характеры и нравы, послушать их речь, узнать их мысли и чувства.

Когда я вспоминаю о наиболее удачных своих работах, прежде всего возникает в памяти «Иркутская история» А. Арбузова. И этот успех связан с приобретением к жизни, отображенной в пьесе. Мы втроем — исполнитель роли Виктора Ю. Любимов, художник И. Сумбаташвили и я — побывали в Братске и на Байкале, встречались со строителями ГЭС, много раз бывали на самой стройке, дышали ее воздухом и наблюдали, наблюдали за всем, стараясь подметить живые черточки поведения людей, их манеру говорить и мыслить — словом, впитывали в себя, как могли, эту самую главную, горячую, стремительную жизнь, старались «назвучаться» ею, зарисовать горячий строительный будней. И это, как кажется, помогло нам в нахождении живого нерва, пульса спектакля, в создании верной сценической жизни образов.

Мне скажут: но другие театры и не выезжали в те места, а играли «Иркутскую историю», может быть, с не меньшим успехом! Что же, конечно, эта пьеса Алексея Николаевича Арбузова содержит благодарный материал для актера и режиссера, вся она пронизана духом огромной стройки и раскрывает реальный процесс передельки, облагораживания сердец и умов, их совершенствования. Но опять-таки потому, наверное, получилось это, что автор узнал, увидел эту жизнь, прикоснулся к ней не умозрительно, а изнутри, жил в тех местах довольно долго. И нам, первыми поставившим эту пьесу, поездка в те края, к тем людям была необходима как воздух.

ЗНАТЬ жизнь! Требование это, казалось бы, так известно и даже элементарно. Но всегда ли мы выполняем его не формально, а по существу? Не подменяем ли мы подчас знание беглым ознакомлением?

Мы, режиссеры столичной сце-

ны, вдвойне ответственны перед авторами новых пьес, которые берем к постановке. В наших руках оказывается не только репутация спектакля, но и репутация пьесы и ее дальнейшая судьба.

Уже не раз с разных трибун говорилось о том, что к постановке новой советской пьесы должны привлекаться лучшие силы театра — самые опытные и талантливые постановщики и актеры. Но, к сожалению, этот очень важный принцип соблюдается далеко не всегда... И какой наносится ущерб этим и драматургии, и театру в целом!

И ТУТ ВСТАЕТ еще один немаловажный вопрос — о нашей режиссерской ответственности не только за «лицо» своего театра, но, если хотите, за репертуар в целом. Всегда ли с достаточно вескими основаниями принимаем мы в свой репертуарный план ту или иную пьесу? Всесторонне ли обдумываем и взвешиваем все «за» и «против», учитываем ли возможности театра? И только ли самое необходимое для зрителя попадает на нашу афишу?

Мы любим повторять слова «сокровищница мирового репертуара». И в самом деле, запасы мировой и русской классики, советских и современных заказных пьес обширны. Казалось бы, выбрать есть из чего. Однако на афишах московских театров и сегодня можно встретить 7—8 названий пьес, идущих на двух сценах. Такого рода дублирование объясняют по-разному: влюбленностью сразу двух режиссеров в одну и ту же пьесу, желанием актеров сыграть по-своему такие-то роли, стремлением театров вступить в творческое состязание.

Все это, конечно, факторы немаловажные, особенно если речь идет о произведении действительно высокохудожественном. Но, к сожалению, дублируются и пьесы, не несущие в себе заряда высокой идейности и художественности. И тогда возникает вопрос: не пренебрегаем ли мы интересами зрителей ради наших внутритеатральных, «семейных» радостей? И так ли надо заботиться о необщем выражении лица наших театров? И действительно, все ли возможное делаем мы для достижения нашей главной цели — воспитания нового человека?

Всегда нужно нам помнить слова А. П. Чехова: «...художественные произведения непременно должны выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно».

Раздумья эти по поводу наших театральных дел могут показаться излишне ворчливыми и назидательными. Но у меня не было намерения кого-то поучать. Если и есть здесь нотка недовольства, неудовлетворенности, то это прежде всего недовольство и неудовлетворенность самим собой. Да и можно ли без этого? Достижения нашего театрального искусства известны, они у всех на виду. Мы все знаем, как самоотверженно трудится и каких выдающихся успехов достигает огромная армия работников советского театра, как высоки ее pomysлы, как велики ее творческие возможности.

Но сегодня, наверное, всем нам, советским художникам сцены, драматургам, актерам, режиссерам, необходимо еще раз проверить свое творческое хозяйство, ответить на главный вопрос: а все ли я сделал и делаю для того, чтобы в наше бурное время, время острейших идеологических схваток, наш советский театр стоял на самой передовой линии этой борьбы, завоевывал в ней одну победу за другой над идеологией оголтелого мракобесия и человеконенавистничества — идеологией империализма?

К этому обязывают нас решения XXIV съезда нашей ленинской партии, Директивы. От нас требуется сейчас и особенно ясное понимание стоящих перед нами задач.

Да, жизнь в театре — всегда ожидание и поиск. Так пусть же и ожидание, и поиск станут еще более активными, чем прежде.